

Ж. Мюленбахъ.

О ЛАТЫШСКИХЪ

ТВОРИТЕЛЬНЫХЪ ПАДЕЖАХЪ

МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА НА -ĀMIS

И РОДСТВЕННЫХЪ ИМЪ НАРЪЧІЯХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1904.

И. М. Сидоров

О ПЕЧАТНИКЕ

И. М. Сидоров

Напечатано по распоряжению Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1904 года.

Непрѣмѣнный Секретарь, Академикъ С. Олденбургъ.

И. М. Сидоров

И. М. Сидоров

И. М. Сидоров

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности
Императорской Академіи Наукъ, т. IX (1904 г.), кн. 3, стран. 233—265.

233

О латышскихъ творительныхъ падежахъ множественнаго числа на -āmis и родственныхъ имъ нарѣчіяхъ.

Биленштейнъ (Lett. Spr. II, 34) приводитъ нѣсколько приѣздовъ на -amis (-āmis) напр. ar tāmī māmiņāmis (!) ¹⁾, съ ма-

1) Въ скобкахъ Биленштейномъ указано, что форма māmiņāmis заимствована изъ нидеръ-бартавскаго говора. Однакожъ въ этомъ говорѣ, во-первыхъ, окончаніемъ уменьшительныхъ словъ никогда не является форма литературнаго языка на -iņa, но всегда на -iņa женск. рода, на -iņš муж. р., во-вторыхъ, основы на ā, также на -ē (-ā) въ дат. творит. пад. множ. ч. не допускаютъ сокращенія въ этомъ говорѣ; слѣдовательно, настоящая нидеръ-бартавская форма māmiņāmis; такъ и слѣдуетъ во второмъ вариантѣ 60-ой народной пѣсни въ изданіи Барона и Виссендорфа поправить māsiņāmis въ māsiņāmis.

Что касается свойства долготы въ окончаніи дательнаго пад. мн. числа, то слѣдуетъ замѣтить, что въ окончаніяхъ нерѣдко крайне трудно разслышать количество гласныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ долготы такъ ясно произносятся, что о ихъ свойствахъ сомнѣнія быть не можетъ, въ нѣкоторыхъ же съ меньшею ясностью, а въ третьихъ, напр. около Гольдингена, предѣлы долготы и краткости соприкасаются такъ близко, что иногда находимся въ затрудненіи сказать, имѣемъ ли дѣло съ долготою или краткостью. Разумѣется, что въ послѣднихъ говорахъ тѣмъ труднѣе опредѣлить свойство долготы. Въ средне-латышскихъ говорахъ Курляндіи а, е, ё, і, и въ окончаніяхъ дательнаго падежа мн. числа моему слуху кажутся въ большинствѣ случаевъ прерывистыми или акутованными, въ нѣкоторыхъ же говорахъ Лифляндіи длительными или циркумфлексованными, въ нѣкоторыхъ же нисходящими, напр. въ голговскомъ, шваненбургскомъ говорахъ, гдѣ длительной долготы вовсе не существуетъ, такъ какъ она тамъ слилась съ нисходящею. Въ этой статьѣ слогуудареніе обозначено такъ, какъ оно встрѣчается въ Курляндіи, въ кандавской волости; нисходящая долгота ~ ограничена въ ней, примѣрами, слышанными мною въ Лифляндіи.

тушками, vanagamis (Кабилень), ястребамъ, pa sēkstamis (Кабилень), по валежнику, vētamis, мѣстами, brīžamis, иногда, по временамъ, замѣчая при этомъ, что *a* въ этомъ окончаніи по большей части является краткимъ. Это изложеніе фактовъ языка не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Дательные падежи на -āmis (-amis) встрѣчаются въ Оберъ- и Нидеръ-Бартавъ, Лейтишнекенѣ и, судя по нѣкоторымъ примѣрамъ изъ народныхъ пѣсенъ, иногда и въ Кабиленѣ. На моей діалектической экскурсіи сосѣди Руцавцевъ указывали на то, что разсматриваемые дательные пад. особенно часто употребляются въ руцавской волости. Однакожъ во время моего, правда, непродолжительнаго пребыванія въ Руцавѣ, мнѣ не пришлось слышать ни одного такого примѣра. Въ настоящее время эти дательные, повидимому, вышли изъ употребленія не только въ Руцавѣ, но и въ Оберъ- и Нидеръ-Бартавъ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, удалось лишь одинъ дательный—творительный пад. на -āmis уловить въ Лейтишнекенѣ, именно vētāmis, мѣстами. Но о существованіи такихъ формъ свидѣлствуютъ народныя пѣсни, напр. savāmis māsināmis, ср. BV¹⁾ 60, 2, и показаніе знатоковъ упомянутыхъ говоровъ; такъ, по свидѣтельству учителя Яншевскаго, въ устахъ старыхъ нидеръ-бартавскихъ людей не представляютъ никакой рѣдкости такого рода предложенія, какъ: ar tavāmis meitāmis var iztikt, твоими дѣвушками можно быть довольнымъ; kū tu jāucēs pa manāmis grāmatāmis? что ты копаешься въ моихъ книгахъ? dūt cūkāmis ēst, дать свиньямъ ѣсть. Эти формы на -āmis заключаютъ въ себѣ функціи дательнаго и творительнаго падежей, напр. viņč tāmīs (вм. литературн. tām) nedarija nekā, онъ имъ (sc. skudrēm муравьямъ) ничего не дѣлалъ, Mag. XVIII, 15, cūkāmis, свиньямъ; ar tāmīs meitāmis (твор. пад.), съ этими дѣвушками.

1) BV = Latvju daiņas Kr. Barņa un H Vissendorfa izdūtas.

DL = Dēnas Lapas etnografiskais pēlikums.

Ltd = Latvēšu tāntas dzēsma drukā dūtas nū Latvēšu drāugu bēdrības.

LP = Anss Lerchis-Puškaitis Latvēšu tāntas teikas un pasakas.

RK = Rakstu Krājums, izdūts nū Rīgas Latvēšu Bēdrības Zinību Komisijas.

Болѣе общее употребленіе, неограниченное упомянутыми мѣстностями, Биленштейнъ (II, 34) приписываетъ дат.—творительному пад. *větāmis*. Но въ этомъ Биленштейнъ, безъ сомнѣнія, ошибается. Несмотря на мое тщательное освѣдомленіе, я нигдѣ не встрѣчалъ формы *větāmis*, ни въ Курляндіи, ни въ Лифляндіи, но вмѣсто нея—законную форму *větāmis* въ Лейтишненекѣ, въ волости сосѣдней оберъ- и нидербартовскимъ волостямъ, *větām* около Митавы и Доблена, въ Грезенѣ, Нигранденѣ, Амботенѣ, Прекульнѣ, Грамзенѣ, Крутенѣ, Нидеръ-Бартавѣ, Гробинѣ, Руденѣ, *vētums* въ Альтъ-Жварденѣ, *vētus* въ Кевелнѣ (Гросъ-Ауцъ); *větām* же встрѣчается въ сѣверной Курляндіи и сѣверо-западной Лифляндіи, напр. въ Априкенѣ, Циравѣ, Альшвангенѣ, Тальсенѣ, Кандавѣ, Зельгербенѣ и на сѣверѣ отъ названныхъ мѣстностей. Если *větāmis* не ошибочная запись, можетъ быть, вмѣсто *vētumis* (см. ниже), то она, должна была бы принадлежать говорамъ или сѣверо-западной Лифляндіи или сѣверной Курляндіи. Но въ такомъ случаѣ остается совсѣмъ загадочнымъ сохраненіе *i* въ *-mis*; ср. *větāms* (Магнусгофъ, RK XIII, 89). Въ Нидеръ- и Оберъ-Бартавѣ и въ Лейтишненекѣ *a* во всякомъ случаѣ въ дательн.—творительномъ падежѣ мн. ч. отъ *ā*—основъ представляетъ всегда долготу: *větāmis*, *větām*, такъ и *zālēm*, *gūvīm*.

Но краткое *a* является въ дательномъ падежѣ мн. ч. въ *a*—и *ja*—основахъ; напр., *maņamis svarkamis nebija rūmes*. BV 1525, 2, для моихъ платьевъ не было мѣста, *es kūņamis* (отъ имен. пад. *kūms*) *jadīdamis*, ѣдучи верхомъ въ качествѣ крестнаго. — Въ сказкахъ, написанныхъ учителемъ Бергманомъ на оберъ-бартавскомъ говорѣ и помѣщенныхъ Беценбергеромъ въ сборникѣ *Magazin der Lett.-Litt. Gesellsch.* XVIII, стр. 14—23 находимъ одинъ примѣръ дательнаго пад. мн. ч. на *-āmis*, отъ *ā*—основы, и именно *tāmis*, и нѣсколько примѣровъ на *-amis* отъ *a*—и *ja*—основъ: *viņē tū arī brālamis gādīja*, онъ показалъ это и братьямъ (16), *atkal brālamis gādīja*, снова показалъ братьямъ (16), *bet kā tad brālamis gāja?* но какъ жилось бра-

тъямъ: (17); *viñč arklaušņájás, ká viña brālamis ejus*, онъ освѣдомился, какъ поживаютъ его братья (23); *tas viñamis attēice* (16), тотъ отвѣтилъ имъ (16); *princesine visamis trijūm lika ragaidit*, принцесса приказала всемъ троимъ подождать (16); *nīsprēde, ka tēmis tādamis varenamis pē viña nekā ne esu darīt*, порѣшили, что имъ такимъ могущественнымъ нечего дѣлать у него (отца) (17).

Надо замѣтить, что форма на *-āmis* употребляется въ функции и дат. и творит. пад., а форма на *-amis* лишь въ функции дательнаго пад. Одинъ примѣръ, записанный въ Кабиленѣ (Mag. VIII, 1951), повидимому, противорѣчитъ этому правилу: *pa sēkstamis lēkādāmis*. Но *sēkstamis* замѣняетъ не творительный пад. мн. ч. *sēkstis*, но дательный—творительный дв. ч. *sēkstēm*, которымъ въ Кабиленѣ, какъ въ большинствѣ латышскихъ говоровъ вытѣсненъ древній творительный пад. мн. ч. Въ Нидеръ-и Оберъ-Бартавѣ, гдѣ древній творительный пад. на *-is* отъ *a-* и *ja-* основъ до сихъ поръ сохранился лучше чѣмъ гдѣ-нибудь, форма *sēkstamis*, вм. *sēkstis*, послѣ предлога *pa* немислима.

Спрашивается, что за формы указанные дательные на *-āmis*, *-amis*. Сравнивая *-āmis* съ окончаніями литовскаго дательнаго и творительнаго пад. на *-omus*, *-omis*, мы не можемъ сомнѣваться, что въ латышскомъ *-āmis* слились окончанія дательнаго и творительнаго пад. мн. ч., тѣмъ и объясняется двоякая функция формы на *-āmis*, — функция дательнаго и творительнаго падежей.

Не только при *ā-* основахъ, но и при личныхъ и указательныхъ мѣстоименіяхъ мужескаго рода наблюдается въ нѣкоторыхъ латышскихъ говорахъ замѣна окончанія дательнаго пад. мн. ч. на *-mus* окончаніемъ творительнаго пад. на *-mis*, напр. *Kalab tu mus lōni mumis negribi izmaksāt?* почему ты не хочешь выслать намъ наше жалованье (Оберъ-Бартава, Mag. XVIII, 21; 75); *mumis*, намъ, *jumis*, вамъ (ср. лит. *mūmus*, *jūmus* и *mumīs*, *jumīs*) я слышалъ въ функции дательн. пад. также и въ Грамзденѣ. Въ Лифляндіи измѣняется во многихъ говорахъ и

въ *ui*, если въ слѣдующемъ слогѣ находится гласная *e* или *i*, напр. *uire*, вин. *uiri*, вм. *ure*, *uri*, рѣка; въ этихъ говорахъ являются дательными падежами мн. ч. личныхъ мѣстоименій *muims*, *juims*, вм. *mùms*, *jùms*, такъ напр. Лаудонѣ, Одзенѣ, Штокмансгофѣ, Саусенѣ и Фетельнѣ; см. Kauliņ BV XII, 236. Изъ приведенныхъ формъ явствуетъ, что творительный пад. мн. ч. личныхъ мѣстоименій, вытѣснивъ окончаніе дательнаго пад., принялъ на себя и функцію дательн. пад. мн. ч. Принимая во вниманіе только-что сказанное, мы безъ всякаго объясненія поймемъ нидеръ-бартавскіе дательные падежи мн. ч. указательныхъ мѣстоименій: *tēmis*, *tēmъ*, (лит. *tēmus*), *šēmis*, этимъ (лит. *szēmus*); см. Mag. XVIII, 14: *lai tēmis vēlus ēt pasaulē*; *mulkis tēmis vilkās nūpakaļus* (16), *tēmis nu kauns* (23). *Kū nu lai šēmis bij ēsākt?* (20). Какъ творительный же падежъ мѣстоименій *tas*, *šis* употребляются исконныя формы *tēs*, *šēs*, напр. *ar tēs*¹⁾ *ēsrunājēs*, заговоривши съ ними, Mag. XVIII, 22.

Такъ и въ вышеприведенныхъ формахъ на *-amis*, какъ-то *svarkamis*, *brālamis*, мы должны искать дательные падежи мн. ч., замѣнившіе окончаніе *-mus* окончаніемъ *-mis*, вслѣдствіе сліянія дательнаго и творительнаго пад. личныхъ мѣстоименій, а можетъ быть, и вслѣдствіе сліянія дательнаго и творительнаго пад. отъ основъ на *ā*.

Однакожъ этимъ толкованіемъ всѣ затрудненія еще не устранены. Возникаютъ два весьма трудныхъ вопроса: 1) какимъ способомъ сохранилось *i* въ окончаніи *-mis*, между *tēmъ* какъ краткія гласныя въ окончаніяхъ выбрасываются; 2) какъ объяснить а вмѣсто ожидаемаго *ē* въ такихъ дательныхъ падежахъ какъ: *svārkamis* (вм. *svārkēms*), *brālamis* (вм. *brālēms*)? Ср. дат. пад. мн. ч. *vīgams*, мужчинамъ, *Rehenhusen Manuductio ad lingvam lettonicam*, Mag. XX, 13.

Въ виду выпаденія краткихъ гласныхъ въ окончаніяхъ,

---

1) *Tēs* нигдѣ никогда не употребляется въ функціи дательн. пад., какъ это утверждаетъ Брюкнеръ, Arch. f. slav. Philol. III, 305.

Брюкнеръ (Archiv. f. slav. Philol. III, 304) разсуждаетъ о латышскомъ окончаніи -mīs слѣдующимъ образомъ: въ латышскомъ -mīs не слѣдуетъ видѣть непосредственно литовское -mīs; въ народныхъ пѣсняхъ формы дательн. пад. мн. числа на -mī весьма употребительны, но только при словахъ женскаго рода: visāmi méitiināmi, веѣмъ дѣвушкамъ; только вторичнымъ при-ставленіемъ согласнаго s возникали изъ нихъ формы на -mīs. Брюкнеръ ошибается, во-первыхъ, въ томъ, что окончаніе -mī встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ лишь при словахъ женскаго рода; ср. pa visēmi mežiinēm BV 249, baltēmi zirnišēm; tīrajēmi zēdinēm BV 1717; во-вторыхъ же, онъ выбираетъ исходною точкою своего объясненія форму -mī, значеніе которой въ этимологическомъ отношеніи весьма сомнительно; ибо кромѣ окончанія -mī въ народныхъ пѣсняхъ встрѣчаются окончанія -ma, -me, -mu: nū citāma méitiināma BV 279, 7. (Нидеръ-Бартава, — ошибочная запись вмѣсто: meitiināma); dzēsmītēma, ligsmītēma 589, 2 (Гросъ-Крутенъ); ar mazēma ratelēm BV 703, 4; — dzēsmiināme, valūdāme, cāunūtāme cerurēm BV 589 (Рокайшенъ), savāme māsiināme BV 620 (Рокайшенъ); tūtāmu = tāntām, чужимъ людямъ (Анценъ).

Valūdāma vairs nevagu — въ народной пѣсенкѣ, записанной въ Кабиленѣ (см. Mag. VIII, 1933, Bielenstein II, 35) основывается безъ сомнѣнія на ошибочной записи, вмѣсто valūdāma, такъ какъ Кабиленъ не принадлежитъ къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ въ дательн. пад. мн. ч. сокращаются первоначальныя долготы. Эта ошибочная форма побудила Брюкнера дать весьма сложное объясненіе (Arch. f. slav. Phil. III, 301). Кто склоненъ искать въ латышскихъ народныхъ пѣсняхъ слѣды старинныхъ формъ, тотъ могъ бы легко соблазниться видѣть въ -ma окончаніе дательн.-творительнаго пад. двойственнаго числа, соответствующее славянскому окончанію -ma, изъ *-mā. Но подробное изученіе характера латышскихъ народныхъ пѣсенъ избавляютъ насъ отъ опасности поддаться такому соблазну; ибо въ тѣхъ же мѣстностяхъ, въ которыхъ въ народныхъ пѣсняхъ является -ma

вмѣсто -m въ дательномъ падежѣ мн. ч., наблюдается, какъ я самъ могъ убѣдиться, прибавленіе неэтимологическаго -a и къ другимъ формамъ, такъ напр. въ Оберъ-Бартавѣ дат. мн. ч. kajināma, ногамъ; но такъ же и дат. пад. ед. ч. man pašama = pašam, мнѣ самому, vanagama = vanagam, ястребу, šurudina = sūruden, въ эту осень; такъ и въ Нидеръ-Бартавѣ: škiratēsa (=škiratēs) lēpju lapas, lāi ēt zīses ezará; škirēs mana ligavinā nū citāma (=citām) meitinām BV 279, 7. Такъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ -me, -mu въ народныхъ пѣсняхъ являются окончаніями дат. пад. мн. ч., приставляются лишнія -e, -u, въ качествѣ вставочныхъ гласныхъ къ другимъ формамъ, напр. es savāme māsināme, linus sēju āizkrāsne; es krásneje klausijūse, (вм. krausijūs), kā dzēdāja ravētājas BV 620, 1 (Рокайшенъ);— balts kreklišu (вм. krekliš = kreklīš) mugarē; mēs gaideju (вм. gaidej, литерат. gaidējām) vedejīnus (Анценъ). На основаніи сказаннаго трудно въ -ma, -me, -mu искать остатки какихъ-то старинныхъ окончаній, но надо будетъ въ -a, -e, -u видѣть вставочныя гласныя, столь употребительныя въ латышскихъ народныхъ пѣсняхъ. И несмотря на литовскіе діалектическіе творительные падежи на -mi (ср. Brugman Grundr. II, 715), едва-ли возможно будетъ придать окончанію -mi въ латышскихъ народныхъ пѣсняхъ больше значенія, чѣмъ упомянутымъ окончаніямъ -ma, -me, -mu. Ср. J. Zubatý, Über die sogenannten Flickvokale des lett. Volkslieds 13¹⁾. Если же дѣло такъ, то объясненіе Брюкнера лишено всякаго основанія.

Зубатый (Über die sog. Flickvokale 12) разсматриваетъ i въ окончаніи -mis какъ вставочную гласную. Но этому предположенію противорѣчитъ тотъ фактъ, что -mis встрѣчается не только въ народныхъ пѣсняхъ, но и въ обыденной рѣчи народа. Поэтому самымъ убѣдительнымъ объясненіемъ разсматриваемаго окончанія слѣдуетъ признать толкованіе Бругмана (Grundr. II, 715), по которому -mis восходитъ къ -mīs.

1) Вставочныя гласныя нерѣдко указываютъ на отпаденія конечной гласной. Но какая гласная отпала, нельзя судить по вставочнымъ гласнымъ.

Остается намъ отвѣтить на второй вопросъ относительно замѣны ё гласной а въ дательныхъ падежахъ мн. ч. отъ а- и ја- основъ, какъ: *vanagamis, brālamis*. Если припомнить, что въ этихъ дательныхъ -*mus* замѣнено, какъ выше указано, окончаніемъ -*mis*, то такіе латышскіе дательные какъ: *brālamis*, видимо, точь-въ-точь совпадаютъ съ древнелитовскими формами, какъ: *brōliamus*. Но что никоимъ образомъ нельзя сопоставить нидеръ-бартавскій дательный пад. *brālamis* съ древнелитовскимъ *brōliamus*, и что не слѣдуетъ въ разсматриваемыхъ дательныхъ искать остатки исконнаго именного склоненія, но признать ихъ новообразованіями, это доказывается тѣмъ, что въ Нидеръ-Бартавѣ -*amis* является вмѣсто -*emis* не только въ именахъ существительныхъ, но и въ именахъ прилагательныхъ и даже въ мѣстоименіяхъ: *tādamis varenamis, visamis trijūm, viñamis*.

Въ Оберъ-Бартавѣ я слышалъ дательный падежъ мн. ч. на -*ūm*, вм. -*ēm*, отъ а- основъ: *abjūm pālūm*, обоимъ кольямъ, ср. *visamis trijūm*, такъ и въ Нидеръ-Бартавѣ и Лейтшнекенѣ: *abjūm dujūm*. Въ этихъ дательныхъ ū безъ сомнѣнія получилось отъ мѣстнаго пад. мн. ч.: *abjūm pālūm*, обоимъ кольямъ, по аналогіи *abjūs pālūs*. См. Извѣстія Отд. русск. яз. VIII, 77. Endzelin ВВ XXVII, 326. Подобнымъ же образомъ, намъ кажется, возникли дательные пад. мн. ч. на -*amis* отъ а- и ја- основъ: *tādamis* подъ вліяніемъ дат. пад. ед. ч. на -*am* (*tādam*).

Самое большое распространеніе имѣютъ такого рода дательные въ возвратныхъ причастіяхъ прошедшаго времени. Въ книжномъ языкѣ встрѣчаются довольно часто дательные падежи мн. числа на -*amēs*, вм. -*ēmēs*, напр. *ar nūgatavūjušamēs āuglēm*, съ созрѣвшими плодами (Austr.); *ši luga pē lēlā skaitā ēradušamēs skatitājēm atrada viskārstākū pēkrišanu* (Baltijas Vēstnesis), эта пьеса встрѣтила живѣйшее одобреніе зрителей, явившихся въ большомъ количествѣ; *sū stātu var pēskaitīt pē vislabāki izdevušamēs sacerējumēm* (Austr.), этотъ рассказъ можно причислить къ наиболѣе удавшимся сочиненіямъ. Эндзелинъ (RK XIII, 20)

считаетъ такіе дательные, какъ *izdevušamēs, ėradušamēs*, за грубыя ошибки, утверждая, что такія формы не встрѣчаются въ народномъ языкѣ, и предпочитаетъ формы на *-ĕmēs (ĕnakušĕmēs)*, которыя въ книжномъ языкѣ употребляются иногда нѣкоторыми авторами вмѣсто формъ на *-amēs*. Однакожъ дательный пад. на *-ĕmēs* мнѣ никогда нигдѣ не приходилось слышать изъ устъ народа; дательный же пад. мн. ч. на *-amēs* я слышалъ въ Маткуленѣ, Ремтенѣ, Альтъ-Пебальгѣ и Алышвангенѣ: *kū tums darīt tik agri ėlušamēs?* Что намъ дѣлать, вставшимъ такъ рано? Побудительной причиной замѣны *-ĕmēs* на *-amēs*, т. е. приравненія дательнаго мн. ч. дательному ед. ч., послужила, на мой взглядъ, диссимиляція. Въ этихъ дательныхъ мн. ч. отъ возвратныхъ причастій прошедшаго времени слѣдуетъ, мнѣ кажется, искать зародышъ діалектическихъ дательныхъ падежей на *-amis* отъ *a-* и *ja-* основъ: *vanagamis, brālamis*.

Нарѣчія на -amis, -am, -am.

Творительный пад. мн. ч. на *-omis* употребляется въ литовскомъ языкѣ нерѣдко въ качествѣ нарѣчія: *aplinkomis, melomis, gretomis, aržargomis, nežiniomis, nejučziomis, tycziomis, netycziomis* и др. См. J. Zubatý JF III, 121 и слѣд. Въ теперешнемъ латышскомъ языкѣ мнѣ извѣстенъ только одинъ примѣръ, который вполне совпадаетъ съ упомянутыми творительными пад. литовскаго языка: *vētāmis* (Лейтишнекенѣ), кромѣ того въ немного измѣненномъ видѣ *tīšams* у прусскихъ латышей, сообразно съ законами сокращеній въ этомъ говорѣ: *tīšams*, лит. *tycziomis*, какъ *rūkams*, лит. *raĩkomis*. См. Bezzenbenger Mag. XVIII, 35; *kājams*, пѣшкомъ, Rehenhusen *Manuductio ad linguam letonicam*, Mag. XX, 29, *rindēms*, вереницею, *pārimis*, по два (Adolphi).

Въ латышскомъ языкѣ за немногими исключеніями дательный и творительный падежи мн. ч. выгѣснены дательн.-творительнымъ падежемъ дв. ч., и поэтому нарѣчія, происшедшія изъ

творительныхъ пад. отъ основъ на -ā, -ē, -ī, являются въ формѣ дательнаго-творительнаго пад. дв. ч. на -ām, -ēm, -im (im), вмѣсто формъ творит. пад. мн. ч. на -āmīs, -ēmīs, -imīs (imīs); ср. лит. tēsióm. KLD.

Такъ какъ каждый, кто лично не имѣлъ случая познакомиться съ латышскими говорами, долженъ изъ латышскихъ словарей и грамматикъ вынести невѣрный взглядъ на разсматриваемыя формы, то приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ, слышанныхъ изъ устъ народа, съ указаніемъ мѣста нахождения: arkālām gunāt, намекать о чемъ обиняками, (Альтъ-Пебальгъ, Берзонъ, ср. лит. kōlioti, бранить); arlīnkām, обиняками, (Вейншенкенъ, Одензе, Берзонъ), arlīkām (Тирзенъ) arīcām (Голговскъ); aimałām, потоками, (Маткуленъ, Альтъ - Жварденъ, Гросъ-Беркенъ, Голговскъ, Альтъ-Пебальгъ, Берзонъ); āugšām, кверху, на верхъ (Грюнгофъ, Гогенбергъ, Маткуленъ, Нидеръ-Бартава, Венденъ, Тирзенъ); blaķām, возлѣ, рядомъ съ (Добленъ, Грюнгофъ, Берзгофъ, Ней-Ауцъ, Кевелнъ, Бикстенъ, Альтъ-Жварденъ, Маткуленъ, Альтъ-Пебальгъ); gaģām, мимо, (Паулсгнаде, Берзгофъ, Грюнгофъ, Гросъ-Беркенъ, Бикстенъ, Нейенбургъ, Альтъ-Жварденъ, Ворменъ, Оберъ-Бартава, Маткуленъ, Планенъ близъ Бауске, Зербенъ, Альтъ - Пебальгъ); klusām, тихо, медленно, (Добленъ, Грюнгофъ, Гросъ-Беркенъ, Берзгофъ, Планенъ, Альтъ - Жварденъ, Маткуленъ, Агофъ, Зербенъ, Венденъ, Альтъ-Пебальгъ, Цирстенъ, Ней-Сакенгофъ, Вольмарсгофъ); kūrām, вмѣстѣ, (Нидеръ-Бартава, Маткуленъ); krustām šķērsām, вдоль и поперегъ, (Добленъ, Бикстенъ, Нейенбургъ, Планенъ, Агофъ, Зербенъ, Венденъ, Вольмарсгофъ, Альтъ-Пебальгъ); lēpām, медленно, тихо (Добленъ, Грюнгофъ, Гросъ-Беркенъ, Берзгофъ, Бикстенъ, Кевелнъ, Альтъ-Жварденъ, Планенъ, Зербенъ, Альтъ - Пебальгъ, Ней - Сакенгофъ, Голговскъ); raņazām, медленно, (Грюнгофъ, Гросъ-Беркенъ, Альтъ - Жварденъ, Маткуленъ, Альтъ - Пебальгъ, Голговскъ); rģījām, прочь, (Грюнгофъ, Гросъ-Беркенъ, Берзгофъ, Бикстенъ, Кевелнъ, Грезенъ, Альтъ-Жварденъ, Нидеръ-Бартава,

Маткулень, Планень, Зербень, Вендень, Альтъ-Пебальгъ, Ней-Сакенгофъ, Вольмарсгофъ); rušám, пополамъ, (Альтъ-Жвардень); tésám, прямо, воистину (Паулсгнаде, Грюнгофъ, Грось-Беркенъ, Берзгофъ, Кевельнъ, Нейенбургъ, Бикстенъ, Альтъ-Жвардень, Маткулень, Альтъ-Пебальгъ, Цирстенъ, Ней-Сакенгофъ); tíšám, нарочно, (Паулсгнаде, Грюнгофъ, Грось-Беркенъ, Бикстенъ, Альтъ-Жвардень, Зербень, Альтъ-Пебальгъ, Берзонъ, Ней-Сакенгофъ, Зелзава, Тирзенъ, Голговскъ); vaíám, открыто, (Паулсгнаде, Грюнгофъ, Ней-Ауцъ, Альтъ-Жвардень, Маткулень); pzetím, напротивъ, (Паулсгнаде, Грюнгофъ, Ней-Ауцъ, Грось-Беркенъ, Бикстенъ, Маткулень, Планень, Альтъ-Пебальгъ); saug saugím, въ среднемъ, (Грось-Беркенъ, Бикстенъ, Кевельнъ, Вейншенкенъ, Маткулень, Планень); saug saugém¹⁾, (Паулсгнаде, Грюнгофъ, Альтъ-Жвардень, Саусенъ, Фетельнъ, ВВ XII, 234, Альтъ-Пебальгъ, Ней-Сакенгофъ); rāg ragím, (Вейншенкенъ, Матакулень); rāg ragém, (Берзгофъ, Залисбургъ, Саусенъ, Фетельнъ ВВ XII, 234). Во всѣхъ только что указанныхъ мѣстностяхъ окончаніе дательнаго-творительнаго пад. мн. ч. отъ ā и ē основъ представляетъ долготу: -ám, -ém, и поэтому -ám и -ém въ названныхъ нарѣчіяхъ. Въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ i- основы представляютъ долготу въ дательн.-творительномъ падежѣ мн. ч. (-ím), имѣютъ и соответствующія нарѣчія окончаніе -ím, напр. pzetím, но въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ сохранилось въ этихъ основахъ въ дат.-твор. пад. первоначальная краткость, въ соответствующихъ нарѣчіяхъ является -im, напр. въ Зербенѣ pzetim какъ naktim; въ тѣхъ же говорахъ, въ которыхъ въ дательн.-творительномъ падежѣ мн. ч. отъ i- основъ окончаніе -ém, напр. въ голговской волости acém, глазамъ, являются нарѣчія съ окон-

1) Окончаніе -ém встрѣчается въ уменьшительныхъ нарѣчіяхъ: lénitém, ramazitém, ramagítém (Оберъ-Бартава Mag. XVIII, 20), klusitém, какъ upitém отъ upíte, рѣчка. Отъ молодой дѣвушки въ Грось-Беркенѣ я слышалъ ramazém рядомъ съ ramazám. Ramazém, по всей вѣроятности, произошло по аналогіи ramazitém.

чаніемъ ём: pāg pāgēm, pretēm; наконецъ въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ въ дательн.-творительномъ пад. мн. ч. -ām сокращается въ -ām, находимъ -am и въ приведенныхъ нарѣчіяхъ.

Если Биленштейнъ (Lett. Spr. II, 272, 275, 276) -am представляетъ преобладающимъ окончаніемъ разсматриваемыхъ нарѣчій, то это объясняется зависимостью его отъ своихъ предшественниковъ, которые крайне небрежны въ обозначеніи количества суффиксальныхъ гласныхъ, напр. ramazam вм. ramazām, vairak вм. vairāk, redzigs вм. redzīgs у Стендера.

Эта роковая зависимость особенно бросается въ глаза въ словарѣ Ульмана. Здѣсь читаемъ: aplinkam, aumalam, augšam, blakam, gařām, klusam, krustam, škērsam, lēnam, pūjam, tēšam, tīsam рядомъ съ arkālām, arkūrībām, apsitām, ilgūšām, pagaidām, pagaizām, vālām. Откуда эта непослѣдовательность? Оттого, что первая группа словъ написана въ зависимости отъ словарей Ланге и Стендера, а вторая группа словъ такъ, какъ авторъ ихъ слышалъ изъ устъ народа въ средне-латышскомъ говорѣ, не находя ихъ въ словаряхъ своихъ предшественниковъ. Эта зависимость столь послѣдовательна, что находя нарѣчіе на -ām въ словарѣ Ульмана, мы ужъ изъ этого можемъ заключить отсутствіе этого нарѣчія въ словаряхъ Ланге и Стендера.

Избѣгая нагроможденія примѣровъ, я все таки останавливался немного на представленіи фактовъ, потому что ошибочное изложеніе латышскихъ словарей и грамматикъ затрудняетъ вникнуть въ пониманіе разсматриваемыхъ формъ. См. J. Zubatý Jndog. Forsch. III, 124.

Кромѣ нарѣчій на -ām есть въ латышскомъ языкѣ и нарѣчія на -am. Изъ числа примѣровъ, приведенныхъ Биленштейномъ (II, 272, 276) слѣдуетъ большинство отнести къ окончанію -ām; нарѣчіями съ окончаніемъ -am изъ нихъ оказываются только: mūžam, вѣчно, brīžam, иногда, laikam, вѣроятно; къ нимъ надо еще прибавить: gūdam, славно, armēgam, приблизительно, рēmēgam, на примѣръ. Эти формы безъ сомнѣнія дательные падежи ед. ч., какъ это явствуетъ изъ часто встрѣчаю-

шагося опредѣленія *šim* къ слову *brīzam*: *šim brīzam*, пока, въ настоящее мгновеніе. Первоначальное значеніе дательнаго падежа проявляется въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ нарѣчій еще съ большою ясностью. Такъ *brīzam*, дат. пад. отъ *brīdis*, короткое время, обозначаетъ собственно для короткаго времени, *šim brīzam tas pētēk*, въ настоящее время (собств. для этого времени) этого достаточно, нѣм. *für den Augenblick genügt es*; *tas paliks mūzam*, это останется вѣчно, собств. для вѣчности, нѣм. *für die Ewigkeit*, *rēmēgam kādu vārdu minēt*, привести какое-нибудь слово какъ примѣръ, нѣм. *zum Beispiel*; такимъ же очевиднымъ дательнымъ цѣли оказывается *gūdam*: *dārбу gūdam radarīt*, исполнить работу (собств. для славы) на славу. Къ этимъ нарѣчіямъ принадлежатъ нѣсколько дательныхъ падежей отъ основъ на *ā* и *ē*: напр. *velti*, напрасно, даромъ, дат. ед. ч. на *i* отъ *vēlte*, подарокъ, ср. лит. *veltuī*, лит. дат. *dovanaī*, напрасно, даромъ, отъ *dovana*, подарокъ, ср. *Zubatý JF VII, 184, lēti derēt*, быть полезнымъ, пригодиться, собств. пригодиться какой-нибудь вещи (*lēta*, вещь). Старые дательные пад. ед. ч. на *-i* особенно употребительны въ обще-латышскомъ языкѣ еще въ слѣдующихъ сочетаніяхъ: *ra kreisi*, *ra labi rūki*, налѣво, направо, *ratēsi*, по истинѣ. Предлогъ *ra* съ дательнымъ падежемъ очень часто образуетъ нарѣчія, напр. *ra visam*, совсѣмъ, *ra vesam*, по прежнему, *ra pilnam*, вдоволь, *ra jūkam*, въ шутку, *ra galam*, конечно, пропало, совсѣмъ. *Ramazām*, медленно, тихо, не принадлежитъ, какъ это полагаетъ Зубатый, къ разряду этихъ нарѣчій. Это видно, съ одной стороны, по ударенію на первомъ слогѣ, съ другой стороны, по окончанію.

Въ дательныхъ, зависящихъ отъ предлога *ra*, Зубатый (*Ind. Forsch. III, 124*) ищетъ источникъ нарѣчій на *-am*. Но нарѣчія *brīzam*, *mūzam*, *rēmēgam*, *gūdam* оказываются такими несомнѣнными, ясными дательными падежами, что здѣсь о вліяніи дательныхъ пад. ед. ч., зависящихъ отъ предлога *ra*, рѣчи быть не можетъ. Употребленіе дательнаго падежа въ адвербіальномъ значеніи ведетъ уже свое начало отъ балтійско-славянскаго пе-

ріода, ср. латышское кам. лит. kám, слав. чему въ значеніи по-
 чему, съ какой стати. Но довольно поздняго происхожденія, миѣ
 кажется, нарѣчія gáũžam, очень, lēliskam, великолѣпно, pilnam
 (pilnam), достаточно, вдоволь. Такъ какъ рядомъ съ pilnam су-
 ществуеть ра pilnam, то можно было бы допустить, что pilnam
 произошло отъ ра pilnam. Но чтобы gáũžam, lēliskam про-
 изошли такимъ же путемъ, трудно предположить. Нарѣчія
 gáũžam, lēliskam возникали, на нашъ взглядъ, изъ формъ gáũži,
 lēliski, приравниваясь къ нарѣчію arlam, весьма, чрезмѣрно.
 Arlam, изъ arlamī, разумѣется, нарѣчіе отъ arlāms, лит. arla-
 mas (Leskien Bildung der Nomina 177, 302). Но съ отпаде-
 ніемъ окончанія -i нарѣчіе arlam стало весьма похоже на нарѣ-
 чія mũžam, brĩžam, такъ что въ теченіе времени могли arlam
 разсматривать какъ нарѣчіе на -am, и такимъ способомъ былъ
 проложенъ путь къ появленію имени прилагательнаго arls, вм.
 arlams, которое находимъ въ одномъ изъ календарей (Jũrnėku
 kal. 1892 г. 27 стр.). Наше мнѣніе, повидимому, подтверждается,
 во-первыхъ, тѣмъ, что изъ нарѣчій, произведенныхъ отъ на-
 рѣчій, принимаютъ окончаніе -am: gáũžam, lēliskam, которыя
 сходны по значенію съ arlam, напр.: arlam, gáũžam, lēliskam
 bĩauj, сильно кричить, во-вторыхъ же тѣмъ, что нарѣчіе
 arlam нигдѣ, по крайней мѣрѣ, сколько миѣ извѣстно, не является
 съ окончаніемъ -i: tĩkami, пріятно, labĩ хорошо, но arlam, а не:
 arlamī.

Кромѣ gáũžam, lēliskam слѣдуетъ еще указать на araklam
 (Кандава), aruklam, назадъ (Стендентъ, Зельербентъ), klátam,
 близъ (Дрейлингсгофъ), ŗĩgram, сюда (Кандава), какъ на нарѣ-
 чія, произведенныя отъ нарѣчій atrakaĩ, atrukaĩ (RK. XIII, 89),
 klát, klátu, ŗĩgr, ŗĩgru. Но эти три нарѣчія миѣ извѣстны изъ
 такихъ мѣстностей, въ говорѣ которыхъ въ дат.-творит. пад.
 мн. (дв.) ч. -ám сокращается въ -am, такъ что не легко ска-
 зать, имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ первоначальнымъ -am или
 съ сокращеніемъ изъ -ám. Въ пользу перваго предположенія
 говорятъ обще-латышскія нарѣчія ŗĩrpmák, tũrpmák, кото-

рыхъ нельзя возвести къ *šurpāmāk, *turpāmāk, но къ *šurpāmāk, *turpāmāk.

Нарѣчія на -ām столь сходны и по значенію, и по формѣ съ нарѣчіями на -am, что иногда между ними совсѣмъ стираются предѣлы. Такъ krustām, крестообразно, вѣроятно, произошло изъ krustam. Krustam первоначально, можетъ быть, было дательный пад. цѣли, такъ что salikt rūkas krustam первоначально значило «сложить руки съ тою цѣлью, чтобы образовать ими крестъ». Но частое сочетаніе этого нарѣчія съ škērsām, поперегъ, (krustām škērsām), въ которомъ долгота въ окончаніи также законна, какъ въ нарѣчіяхъ blakām, gačām и др., способствовало къ перенесенію долготы отъ škērsām на сосѣднее слово krustām. Какъ вліяютъ сосѣднія окончанія другъ на друга, это видно особенно ясно изъ народной пѣсенки, записанной мною въ Прекульнѣ, поэтому приведу ее здѣсь: jāuni puīši mutes deva pelekām акмеиамъ, молодые парни цѣловали сѣрый камень. Долгота въ опредѣленномъ окончаніи имени прилагательнаго обусловлена звуковыми законами; см. Endzelin ВВ XXVII, 312; но окончаніе имени существительнаго акмеиамъ получило свою долготу отъ pelekām путемъ внѣшней ассимиляціи. Сила ассимиляціи въ этомъ случаѣ тѣмъ поразительнѣе, что въ Прекульнѣ окончаніемъ дательнаго пад. ед. ч. отъ ja- основъ является -im, а не -am: brālim, ūdenim. Нельзя однакожъ отрицать возможности, что krustām преобразовано изъ krustēm, krustis по аналогіи многочисленныхъ нарѣчій на -ām, такъ какъ аналогичное преобразование неоднократно наблюдаются въ латышскихъ говорахъ: ēsānām, не много съ боку, изъ ēsānč, ēsānis, отъ sāni (sāni), бока (Альтъ-Пебальгъ), lēcām, излишне, въ добавокъ, в. lēcis (Bezenberger, Dialekt-Stud. 116), aplīcām, рядомъ съ арліеис, обиняками, aprinkām, рядомъ съ aprinkēn, aprinkus, арринки, обиняками (Альтъ-Пебальгъ).

Въ сѣверо-западной Курляндіи вслѣдствіе сокращенія случилось -ām съ -am, напр. въ Кандавѣ klusam, augšam, tēšam, gāfam такъ же, какъ mūžam, brīzam, такъ же и дат. пад. мн. ч.

на -am вм. -ám: rīkam, вм. rīkám. Но все-таки въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ осталось въ нарѣчїяхъ еще нѣсколько ясныхъ слѣдовъ творительнаго пад. мн. ч., и интересенъ при этомъ тотъ фактъ, что творительный падежъ расширилъ свои предѣлы на счетъ дательнаго пад. ед. числа на -am. Къ сожалѣнію я нахожу въ своихъ діалектическихъ записяхъ мало матеріала по этому вопросу. Но его будетъ достаточно, чтобы подтвердить только что сказанное о творительномъ пад. мн. числа.

Въ Эрваленѣ я слышалъ blakem, līdzem, рядомъ съ, въ Дондангенѣ aršem, внизъ, augšem, gašem, rāg rāgem, saug saugem, pretem, въ Таргельнѣ augšem, въ Эдваленѣ getim, рѣдко. Въ aršem, augšem, gašem можно было бы е вм. а объяснить сосѣдствомъ предыдущихъ смягченныхъ гласныхъ (ср. Изв. Отд. Русск. яз. VIII, 37); но это объясненіе не примѣнимо къ нарѣчїямъ blakem, rāg rāgem, saug saugem, pretem, getim, и поэтому мы должны всѣ эти формы признать дат.-творительными мн. ч. Въ Таргельнѣ, Ротгофѣ, Зиргенѣ употребляется дат.-творительный пад. мн. ч. вм. дат. пад. ед. ч. послѣ предлога ра: ра vesem, по прежнему, ра visem, совсѣмъ (Таргельнъ, Ротгофъ), ра vesim (Зиргенъ). По Зиргенскому говору vesim можетъ быть только дат.-творительный пад. мн. числа отъ а- и ја- основъ какъ ratim, телѣгѣ, abim skarim, обоимъ шкафомъ; поэтому vesim можно сравнить съ діалектическимъ blakēm, blakis, вм. blakám, pretēm, вм. pretim (Зельербенъ), gašēm, вм. gašám (Сигундъ BV 5902, Леневарденъ BV 6448), и augšim (вм. augšám) Bezzenberger, Mag. XVIII, 118. Въ Таргельнѣ, Ротгофѣ имѣютъ і-, -ē—а-, ја- основы одинаковое окончаніе въ дат.-творит. пад. мн. ч., именно -em, ср. Изв. Отд. Русск. яз. VIII, I, 36, и поэтому трудно рѣшить, сопоставить-ли нарѣчїя на em этихъ говоровъ съ средне-латышскими формами на -ém, какъ gašēm, вм. gašám (Нитава, BV 5899, 3), ramāzēm, saug saugēm, rāg rāgem, или же съ діалектическими нарѣчїями: blakēm, pretēm. Измѣненіе рода и склоненія нарѣчїй наблюдается не только въ творительномъ, но и въ мѣстномъ падежѣ: krustcelés, на пере-

кресткахъ, вм. *krustcelūs* (*Nēdra Bārenīte un Brūna* 15), *nūva-*
karēs, на подвечерьяхъ *Apskats*, I, 465.

Во всякомъ случаѣ, *blakem*, *līdzem*, *retim*, *preņem*, *pa vecīm*,
ра *vecēm* оказываются творительными пад. мн. ч., такъ какъ
дательный пад. ед. ч. муж. рода въ названныхъ мѣстностяхъ
имѣеть окончаніе *-am*. Что касается ра *vecēm*, ра *vecīm*, то
едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что въ нихъ дательный пад. ед. ч.
замѣненъ творительнымъ падежомъ мн. ч. по аналогіи нарѣчій
raņazēm, *raņazīm*, которыхъ, правда, я не нахожу въ своихъ
диалектическихъ записяхъ, но существованіе которыхъ въ из-
вѣстныхъ говорахъ весьма вѣроятно.

Крайне рѣдко встрѣчается *-am* вм. *-ām*, рядомъ съ *-ām* въ
дательномъ пад. мн. ч., напр. въ голговской волости *grūjām*, вм.
grūjām, рядомъ съ *gagām*, *gūkām*, такъ и въ Дегаленѣ *grūjam*,
lēnam, *tīšam*, *tēšam* рядомъ съ дат. пад. мн. ч. *gūkām*.

Особаго вниманія заслуживаетъ союзъ *ēkam*, *ēkām*, *tēkām*,
пока, прежде чѣмъ. Ни въ Курляндіи, ни въ Лифляндіи мнѣ не
приходилось слышать этотъ союзъ съ долготою въ окончаніи; по-
этому я, несмотря на *ikām* BV 2420, 2709, принимаю за перво-
начальныя формы не **ēkām*, **tēkām*, но *ēkam*¹⁾, *tēkam*, т. е.
причисляю ихъ къ нарѣчіямъ, происшедшимъ изъ дательнаго пад.
ед. ч.; ср. дат. пад. ед. ч. женск. р. (или мѣстн. п. ед. ч.?) *tikai*,
только, *sēkai*, почти, *visai*, совсѣмъ. Такъ какъ союзъ *ēkam*
имѣеть значеніе сравнительной степени, то къ нему присоеди-
нилось окончаніе *-s*, изъ *-is*, которое нерѣдко присовокупляется
къ формѣ сравнительной степени, напр. *labāks*, вм. *labāki*, лучше
BV 4092, 4288, 5164, *pirnāks*, раньше LP VI, 352, *vairāks*,

1) Въ *ēkam* можно было бы искать мѣстный пад. ед. ч.; ср. далеко распро-
страненное *šimprus*, по этой сторонѣ, *štamprus* (Лемзаль), *tam* пре, въ той рѣкѣ
(Дрейлинагофъ); *tam* = лит. *tam̃*, *tami*. См. *Zubatý*, JF VI, 286, RK XIII, 89,
Bezzenberger, *Dialekt-Stud.* 143; но чтобы принять съ А. Погодинымъ (*Русскій*
филол. Вѣстн. XXXV, 141) также и такія нарѣчія, какъ *klusām* (у Погодина
klusam), за мѣстные падежи ед. ч., для этого слѣдовало бы предположить, что
долготу эти мѣстные падежи получили отъ творительныхъ падежей мн. ч.
(*vētām*),—предположеніе, хотя возможное, но всетаки мало вѣроятное.

больше LP VII, 109; ātrāks, senāks, labāks, vairāks (Кандава), ср. Эндзелинь ВВ XXVII, 316; ср. и tagads, вм. tagad, теперь (Нурмгузень, Кандава); tik ilgs (вм. tik ilgi) būšu šai zemē ВВ 7744 (Сецень), такъ долго я буду въ этой землѣ; tagads, ilgs, на нашъ взглядъ, — творительные надежи, мн. ч., изъ *tagadis, *ilgis, какъ retums, retumš, рѣдко, изъ retumis, ēsānš, ēsānč (Альтъ-Пебальгъ), немного съ боку, изъ ēsānis, nūpakalš сзади, изъ nūpakalis, nūmāš, въ сторону, изъ nūmalis (или изъ ēsānus, nūpakalus, nūmalus?).

Что касается формы brīžamis, отмѣченной Биленштейномъ, Lett. Spr. II, 34, то я склоненъ въ ней видѣть продуктъ ослышки, вм. brīžumis (см. ниже), такъ же какъ vētāmis, вм. vētumis. Ср. Zubatý, Indog. Forsch. III, 123.

Въ Зарковѣ сохранилась еще до сихъ поръ, правда, въ сокращенномъ видѣ, исконное окончаніе дат.-творительномъ пад. мн. ч. отъ ā- основъ: tams mergelams visams, всѣмъ дѣвушкамъ, ar dui rīkam^s, обѣими руками; četrām kajam^s, четырьмя ногами; только kajam въ значеніи «пѣшкомъ» употребляется безъ конечнаго -s. См. Bezzenberger Mag. XVIII, 56. Такую же форму, какъ kajam, пѣшкомъ, имѣютъ въ Заркавѣ и другія нарѣчія: ūgšam, grūjam Mag. XVIII, 35. Тоже самое, что въ Заркавѣ, наблюдается во многихъ мѣстностяхъ Курляндіи; ибо въ сѣверо-западной Курляндіи еще до сихъ поръ сохранились остатки дат.-творительнаго пад. мн. ч. на -ms, ср. Biel. Lett. Spr. II, 35, Извѣст. Отд. русск. яз. VIII, 71, между тѣмъ какъ соотвѣтствующія нарѣчія оканчиваются на -m. Въ первыхъ памятникахъ латышскаго языка (Der Katechismus, Die Vndeutschen Psalmen, 1586, 1587 г.) дательный-творительный падежъ мн. ч. имѣетъ окончаніемъ исключительно -ms; но въ тѣхъ же памятникахъ соотвѣтствующія нарѣчія являются всегда безъ конечнаго -s: auxkam (= āugsām) Kt. 2, 28; 8, 5; 17, 23; 20, 15; tescham (tēšām) 3, 19; 12, 12; 13, 17, 30; 16, 8; 17, 3, 16; 18, 33; 19, 7; proiam (prūjām) 15, 8. Тоже самое наблюдается въ первыхъ латышскихъ грамматикахъ. Изъ всѣхъ

латышскихъ памятниковъ и говоронъ мнѣ извѣстны только слѣдующія нарѣчія на -mis, -ms: vētāmis (Лейтишнекентъ), tīšams (Mag. XVIII, 35), kājams (Pehenhusen Manudactio Mag. XX, 29), rindēms, pārimis (Adolphi).

Это все указываетъ на то, что формы на -m раньше укоренились въ нарѣчіяхъ, чѣмъ въ живыхъ дат.-творительныхъ падежахъ. Трудно сказать причину такого явленія. Замѣна множественнаго числа двойственнымъ вызвана, вѣроятно, такими нарѣчіями, въ которыхъ двойственное число искони имѣло законное основаніе, напр. kājām, pīškomъ, собств. обѣими ногами,—по крайней мѣрѣ при подлежащемъ въ ед. числѣ: ср. Беличь, Изв. Отд. русск. яз. IV, 1160 слѣд. Нарѣчія на -am вслѣдствіе сходства своего и по формѣ и по значенію съ нарѣчіями на -ām могли, съ своей стороны, способствовать тому, что, творительный падежъ мн. ч. былъ замѣненъ дат.-творительнымъ падежомъ дв. ч. раньше въ нарѣчіяхъ, чѣмъ въ склоненіи именъ существительныхъ.

Нарѣчія на -um, -ūm.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчаемъ нарѣчія на -um, въ другихъ же на -ūm: blakum, garum въ Турлавѣ; garum, blakum, tīšum, но pamazitiīnam, vētam въ Альшвангенѣ, blakum, kājum въ Нурмгузенѣ и Вальдегаленѣ, но тамъ же pūjām; kājum, blakum въ Липетгузенѣ; vīrsūm, blakum, рядомъ съ pūjām, gaām, tīšam, kājam въ Кандавѣ; valūm въ Сакетаузенѣ; vīrsūm, blokum рядомъ съ gaām въ голговской волости; vīrsūm BV II, 5508 (Тирзенѣ), garum BV 3875, 5 (въ витебской губерніи); āugšum, pūjūm, tēšum у Куришь-Гаффа, ср. Bezzenberger, Mag. XVIII, 35 и 118; ср. такъ же и tešum, бѣгомъ, вм. tešus Ltd. 694 въ Циравѣ; — vērsūm въ Ранкенѣ, kājum въ Грезенѣ; vīrsūm, kājum, но gaām, pūjām въ Нигранденѣ; kājum, но tēšām въ Мельдзернѣ; vīrsūm, kājum, но pūjām въ Вибингенѣ; vīrsūm, kājum въ Прекульнѣ, vērsūm, kājum въ Легенѣ; — vīrsūm въ

Грюнгофъ, Тадайкенъ, Ланенъ, Илгенъ, Мейранъ. Изъ указанія мѣстностей видно, что разсматриваемыя формы на -um, -um встрѣчаются не только въ Курляндіи, но и въ Лифляндіи и витебской губерніи и у Куришь-Гаффа, т. е. въ средне-латышскомъ, верхне-латышскомъ и тамскомъ говорахъ. Возникаетъ вопросъ, какимъ путемъ измѣнилось -am въ большинствѣ этихъ формъ, въ -um, -um. По мнѣнію Биленштейна (I, 176) ú въ kájum произошло изъ á вслѣдствіе ассимиляціи а съ слѣдующимъ m. Но это толкованіе надо признать совсѣмъ неудачнымъ, такъ какъ при немъ остается, во-первыхъ, вполне непонятнымъ, почему эта мнимая сила ассимиляціи ограничивается только нарѣчіемъ kájum, а никогда не простирается къ живому дательному падежу kájam въ значеніи «ногамъ»; ср. kajum ét, идти пѣшкомъ, но въ томъ же говорѣ: zir^oga kájam pēsítas gati (Прекульнъ); во-вторыхъ, противорѣчитъ объясненію Биленштейна тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Амботенѣ, отличается дат.-творительный падежъ мн. ч. kájam отъ нарѣчія kájum количествомъ гласной, ибо если kajum произошло бы въ самомъ дѣлѣ изъ kájam вслѣдствіе ассимиляціи, то и въ Амботенѣ мы ожидали бы kájum, а не kájum.

Наблюденіе, что формы kájum, kájum употребляются лишь въ значеніи нарѣчія, наводитъ насъ на вѣрный путь объясненія. Это наблюденіе насъ заставляетъ искать колыбель разсматриваемыхъ формъ на -um, -um въ нарѣчіяхъ. Мы должны только отыскать изъ числа приведенныхъ нарѣчій одно, въ которомъ окончаніе -um обусловлено звуковыми законами и по аналогіи котораго могли появиться другія изъ упомянутыхъ нарѣчій.

Законное право на окончаніе -um имѣетъ безъ сомнѣнія vīrsūm (vērsūm). Это законный творительный падежъ ед. ч. отъ и- основы vīrsu-, имен. пад. vīrsus, поверхность, = лит. vīrszūs, род. vīrszaūs; ср. латышскіе творительные пад. личныхъ мѣстоименій manim, tevīm, sevīm = лит. manīmi, tavīmi, savīmi. Въ нѣкоторыхъ литовскихъ говорахъ отпадаетъ конечное -i въ творительномъ падежѣ ед. ч. также, какъ въ латышскомъ языкѣ,

ср. Kurschat, Gram. d. lit. Spr. § 700. Такимъ творительнымъ пад. ед. ч., съ отпавшимъ конечнымъ -i, оказывается лит. *viřszùm*: *viřszùm mēdziu skrajójau* Юшкевичъ, *Lētuv. Dain.* 1018, 4. Съ этимъ же лит. *viřszùm* вполне совпадаетъ лат. *viřsum* (*vērsum*). Мѣстный падежъ *viřsù* (*viřsũ*, *viřsui*, *viřsa*, *viřse*) и предлогъ *viřs* употребляются при всѣхъ глаголахъ, но *viřsum* никогда не ставится при глаголахъ, обозначающихъ состояніе, но всегда при такихъ, которые выражаютъ движеніе, напр. *viřsum*, *bāstēs*, *ēt*, *skrēt*, *jāt*, *brāukt* и др.

Такимъ образомъ форма *viřsum* доказывается несомнѣннымъ творительнымъ падежомъ не только своею формою, но и своимъ синтаксическимъ употребленіемъ. Ср. Miklosich. Synt. 683, Delbrück Vergl. Synt. I, 243. Но *viřsum*, какъ творительный пад. отъ *u*- основы, и всѣ формы происшедшія по аналогіи его, могутъ законнымъ окончаніемъ имѣть лишь *-um*, а не *-um*. Ср. ниже сказанное объ окончаніи *-umis*. Откуда получилась долгота въ діалектическихъ формахъ *viřsúm*, *kājúm*? Рѣшительно не подлежитъ никакому сомнѣнію, что дат.-творительный падежъ мн. ч. отъ *u*- основъ (*ū*-? основъ, ср. Endzelin BV XXV, 276 *ragúm*, *relúm*, *dzirnúm*) передалъ свою долготу формамъ творительнаго пад. ед. ч. *viřsúm*. Правильность этого толкованія подтверждается, съ одной стороны, тѣмъ обстоятельствомъ, что мы находимъ *viřsúm*, *kājúm* лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ дат.-творительными падежами мн. ч. являются формы *ragúm*, *relúm*, *dzirnúm*, а въ тѣхъ же, въ которыхъ вмѣсто *-um* въ названныхъ дат.-творительныхъ употребляется исключительно окончаніе *-avám*: *ragavám*, *relavám*, *dzirnavám*, нарѣчія *kājúm*, *viřsúm* никогда не встрѣчаются и не могутъ встрѣчаться, такъ напр. въ голговской волости; съ другой же стороны, служить прочнымъ доказательствомъ даннаго объясненія аналогичное приравненіе творительнаго пад. ед. ч. *manim*, *tevim*, *sevim* къ дат.-творительному пад. мн. ч.; ибо во многихъ говорахъ вмѣсто законныхъ формъ *manim*, *tevim*, *sevim* встрѣчаются *maním*, *tevím*, *sevím*, *manēm*, *tevēm*, *sevēm*; а что формы *maním*, *tevím*,

sevím, manēm, tevēm, sevēm продукты приравненія къ дат.-творительному пад. мн. ч. Iáudím, Iaudēm, это внѣ всякаго сомнѣнія. Ср. Ueber die vermeintlichen Genitive oder Ablative, Indog-Forsch. XIII, 263.

Нарѣчія на -umis.

Сверхъ окончанія -um, -úm мы имѣемъ окончаніе -umis вм. ámis въ словѣ vêtumis, vêtums, мѣстами (Ulmann Lett. Wtb.); -vêtúms я слышалъ въ Альгъ-Жварденѣ. Tev êt kâjas krustkrustums, вм. krustu krustámis, krustám BV 9610,з (Залисбургъ). Какъ объяснить vêtumis, vêtums, krnstums? Не предположить ли, что окончаніе въ vêtumis состоитъ изъ um + is, т. е. изъ окончанія творит. пад. ед. ч. отъ u- основъ, какъ въ выше приведенныхъ примѣрахъ blakum, grī jum + оконч. твор. пад. мн. ч. на -is. Ср. pretāmī, напротивъ, изъ pret + īm + ā, т. е. окон. твор. мн. ч. + оконч. мѣсти пад. ед. ч. (Ней-Шваненбургъ). Но это толкованіе опровергается тѣмъ, что рядомъ съ -umis не существуетъ -úmis, какъ -úm рядомъ съ -um. Въ латышскомъ языкѣ есть довольно часто встрѣчающіяся нарѣчія на -umis: mazumis, mazums, мало, немного, milzumis, milzums, весьма много, retumis, retums, рѣдко. Рядомъ съ retumis встрѣчается retumēm, напр. tā atnāks retumēm, она будетъ приходить рѣдко BV 269,з. Изъ этой рядомъ съ retumis встрѣчающейся формы явствуетъ, что mazumis, milzumis, retumis не состоятъ изъ -maz+umis, milz+umis, ret+umis, но изъ mazum + is, milzum + is, retum + is, т. е. эти формы суть творительные падежи мн. ч. отъ именъ существительныхъ на -ums; mazúms, малость, milzúms, огромное количество, retúms, рѣдкость; но тѣмъ не менѣе въ теченіе времени, названныя формы въ сознаніи говорящихъ представлялись состоящими изъ maz + umis, milz + umis, ret + umis, и такимъ путемъ получилось окончаніе -umis, которое мы находимъ въ putu putumis LP VI, 311 grabu grabumis, съ шумомъ, съ грохотомъ, vīcu vicumis,

спѣша, ĳuru ĳurumis, безъ толку (Biel. II, 277), žviku žvikumis (DL II, 30), спѣша, plasku plaskumis ět, неуклюжо ходить (DL IV, 165), и на основаніи котораго преобразованы vĕtumis изъ vĕtámis или vĕtám, krustumis изъ krustámis и brízumis изъ brízám; brízums, вм. brízumis, я слышалъ въ Альтъ-Жварденѣ. Такъ же и atstatumis (nŭ ezera vĕrsti atstatumis, отъ озера на разстояніи версты LP VII, 1117), намъ кажется, произошло изъ творительн. ед. ч. atstatu по аналогіи названныхъ нарѣчій, хотя, признаться, эту форму можно объяснить и творительнымъ пад. мн. ч. отъ имени существительнаго atstatŭms, разстояніе. Такъ же я не рѣшаюсь съ увѣренностью говорить насчетъ ĳuku ĳukumis, безъ всякаго порядка (DL IV, 165), принять ли ĳukumis за настоящій творительный пад. мн. ч. отъ ĳukŭms, путаница, или за діалектическое преобразование общелатышскаго «ĳuku ĳukám» по аналогіи нарѣчій на -umis. Еслибы ĳukumis имѣло большее распространеніе, то можно было бы предположить, что существованіе формы ĳukumis рядомъ съ ĳukám способствовало съ своей стороны появленію vĕtumis рядомъ съ vĕtám, brízumis рядомъ съ brízám.

Другіе падежи рядомъ съ твор. пад. мн. ч. на -ám.

Рядомъ съ адвербіальными творительными пад. на -ám употребляются адвербіальные мѣстные падежи ед. ч. Augša, kŭrā, valā, рядомъ съ augšám, kŭrám, valám общелатышскія формы. Но въ говорахъ кромѣ этихъ трехъ общелатышскихъ адвербіальныхъ мѣстныхъ падежей встрѣчаются и другія: tĕšā, вм. tĕšám (Вормень), rŭjā, вм. rŭjám (Блидень), garā, вм. garám, rŭjā, tĕšā (Ошенекень, въ лутрингенскомъ приходѣ, ср. Ltd. 1263, LP VII, 152). Столь же часто, какъ valā, augšā, kŭrā рядомъ съ valám, augšám, kŭrám встрѣчаемъ рядомъ съ pretim, pretim, напротивъ, разныя i- основѣ принадлежащія формы мѣстнаго пад. ед. ч.: preti (Зегевольдъ, Залис-

бургъ), какъ *naktī*, ночью, *pretē*, какъ *naktē* (Польцмаръ), *pretē*, какъ *naktē* (Неи-Шваненбургъ); ср. мѣстн. пад. ед. ч. *klate*, близъ, *nūste*, прочь, вм. твор. пад. ед. ч. *klātu*, *nūstu*, *klát*, *nūst* (Пусень, Калетень).

Предлоги, благодаря своему энклитическому характеру, подвергаются больше всего сокращеніямъ. И такъ мы находимъ въ латышскомъ языкѣ много сокращенныхъ формъ въ функціи предлоговъ, а болѣе полныя формы въ значеніи нарѣчій, такъ *pretīm*, *pretim*, *pretí*, *prete*, *pretī* (ї по аналогіи любимыхъ въ латышскомъ языкѣ нарѣчій на -i), напротивъ, на встрѣчу, а *pret*, противъ; *garám*, *garēm*, *garēm* или *gařám*, мимо, *gar*, вдоль; *vīrsú*, *vīrsui*, *vīrsú*, *vīrsum*, на верху, кверху, *vīrs*, на, надъ, *līdzám* (DL III, 183) *līdzás*, *līdzá* (BV 1191 Крутенъ), *līdzé*, *līdzéi* (BV 1018, Biel. II, 271), *līdzēši* (Зесвегенъ), *līdzāški* (Зербенъ), *līdzēškus* (Голговскъ) (у Ульмана Wtb. *līdzāši*, *līdzāški?*), *līdzu* (LP VI, 754. Эрлая) *līdzá* BV 584, 595, 1018, 1250, 4380; Mag. XVIII, 14, *līdzí*, *līdz*, = лит. *lygiai*, вмѣстѣ, рядомъ, а *līdz*, до; — *zemé*, внизъ, *zem*, верхне-лат. *zam*, подъ; *arākšá*, внизу, *arākš*, подъ; *ēkšá*, внутри, *ēkš*, въ; *prēkšá*, впереди, *prēkš*, передъ, до, для.

Въ обще-латышскомъ языкѣ только *līdz* употребляется въ значеніи предлога и нарѣчія. Но въ говорахъ нерѣдко встрѣчаются и другія формы безъ надежныхъ окончаній въ функціи нарѣчія: *nās ēkš*, вм. *ēksá*, войди (Пильтенъ, Шлекъ-Стенденъ, Альшвангенъ, Голговскъ); *nās ár*, вм. *ará*, выходи (Шлекъ, Альшвангенъ); *nās a*, вм. *ará* Шлекъ, LP VII, 283; *es úzkár áugš* вм. *áugšá*, я взлѣзъ вверхъ (Иванденъ, Альшвангенъ Эдваленъ, Феликсбергъ, Зиргенъ, Голговскъ); *nepās man vērs*, вм. *vērsú*, *vērsum* (Альшвангенъ, Эдваленъ, Феликсбергъ, Зиргенъ, Таргелнь); *las man prēkš*, вм. *prēksá* (Голговскъ), читай мнѣ.

Существованіе рядомъ формъ мѣстнаго падежа съ формами безъ надежнаго окончанія, на первый взглядъ, благопріятствуетъ мнѣнію Биленштейна (II, 312, 315, 317, 320, 321, 322), по

которому послѣднія произошли изъ первыхъ. Для говоровъ сѣверной Курляндіи и сѣверозападной Лифляндіи можно было бы, пожалуй, допустить такое толкованіе, такъ какъ тамъ сокращаются долгія конечныя окончанія, и мы вслѣдствіе того могли бы принять отпаденіе этихъ сокращенныхъ окончаній въ такихъ энклитическихъ словахъ, какъ въ предлогахъ. Но въ средне-латышскомъ и верхне-латышскомъ говорахъ такое сокращеніе и отпаденіе окончанія мѣстнаго пад. немыслимо и въ энклитическихъ словахъ. Предлоги *arākš, ģkš, prĕkš, stār, zem, vīrs*, на нашъ взглядъ, обязаны своимъ происхожденіемъ нарѣчіямъ на *-an* и существующимъ рядомъ съ ними формами безъ *-an*. По соотвѣтствію *klátan: klát, šūrgan: šūrp* могли изъ старыхъ формъ *arākšan, ģkšan, prĕkšan, stārpan, vīrsūn, zemen* образоваться новыя формы: *arākš, ģkš, prĕkš, stār, vīrs, zem*.

Кромѣ формъ *grūjám, grūjá* встрѣчаемъ часто еще 1) форму *grūm*, изъ *grūjam, *grūam*, какъ въ дательномъ падежѣ ед. ч. *labám* изъ *labajam, labaam* (ср. Endzelin BV XXVII, 312); 2) *grū* (въ Иванденѣ, Эдваленѣ), съ отброшеннымъ *-m*, вѣроятно по аналогіи такихъ формъ, какъ *vīrsum, vīrsú (vīrsū): vīrs*; ср. впрочемъ такого рода сокращенія, какъ *rag, pa* вм. *ragaidi, li* вм. *lidz, lidzi*, а вм. *árá (Zubatý, Ueber die sog Flickvocale 13)*; 3) *grūjņes LP VII, 536*, въ Дондангенѣ. Послѣдняя діалектическая форма по своему происхожденію легко понятна. Она состоитъ изъ *grūj + (a)n + es*. Такія формы на *-an* весьма употребительны въ латышскихъ книгахъ XVI вѣка, остатки ихъ сохранились еще до настоящаго времени въ обще-латышскомъ языкѣ: *patlaban*, только что, *téitan, šéitan*, здѣсь; ср. *Zubatý JF VI, 279*; но гораздо лучше чѣмъ въ обще-латышскомъ языкѣ эти формы сохранились въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ: *šūrgan* сюда (BV 5037, въ Гросъ-Экавѣ), *šūrgan, klátan* (въ Эрваленѣ) *šūrpen, zemen*, внизъ, *ģkšen, prĕkšen, souren*, черезъ (Шлекъ-Стенденъ). Гласная, слѣдующая за слогомъ, на которомъ лежитъ удареніе, выпадаетъ въ Дондангенѣ, какъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ сѣверной Курляндіи, при чемъ, подъ уда-

рением находящаяся гласная передъ ясными и плавными согласными удлинняется, напр. *dūbnam*, вм. *dūbenam*, дну, *nābdziñ*, вм. *nabadziñi*, бѣдняжки, *nūmāzgtēs*, вм. *nūmazgātēs*, умыться; такъ и *prūjñēs*, вм. **prūjañēs*; -eš въ Дондангенѣ фигурируетъ общимъ окончаніемъ мѣстнаго пад. мн. ч. для всѣхъ основъ: *višēs mezeš*, во всѣхъ лѣсахъ, *skarēš*, въ шкафахъ, *māješ*, дома, *sūsēs*, среди гусей. Ср. *tēšmāk*, вм. **tēšamāki*, прямѣ (Пусень) и обще-латышскія формы: *šurpmāk*, вм. **šurpamāk* ближе, *turpmāk*, вм. **turpamāk*, дальше. Точъ въ точъ совпадаетъ по своему образованію съ *prūjñēs* въ Дондангенѣ встрѣчающееся нарѣчіе *klátñēs* (LP VII, 108), изъ *klát-an-eš*, близъ.

Мѣстный падежъ мн. ч. довольно часто употребляется въ качествѣ нарѣчія: *tagaditās* (Блидень, Кандава) *tagdites* (Дондангенъ, *Bezenberger, Lett. Dialekt-Stud.* 57), *nupateñās*, только что, *pirmateñās*, давича (Зельербенъ DL IV, 59); *tagaditenās* (Кандава), теперь *tūlinās*, сейчасъ (Ремтенъ, Кандава LP VII, 155), *tulitās*, сейчасъ (Кандава; ср. *Kauliñ BV* XII, 234); *tikratās*, всетаки (Весатенъ), *tepatās*, здѣсь (Адямюнде), *varbūtās*, можетъ быть (Фрауенбургъ), *šūrītās*, сегодня утромъ (Кандава, Сакенгаузенъ, Априкенъ Ltd. 517), *visurās* (Ulm. Wtb.), *līdzās* (Даленъ, Венденъ, Альтъ-Пебальгъ, Лезернъ), *šēitanās*, здѣсь (Зегевольдъ); послѣдняя форма, по своему образованію совсѣмъ соотвѣтствуетъ разсмотрѣннымъ дондангенскимъ формамъ *klátñēs*, *prūjñēs*. Мѣстный пад. мн. ч. отъ *i*-основы скрывается въ *otkonis*, опять, *Bezenberger Lett. Dialekt-Stud.* 167¹⁾.

Кромѣ мѣстнаго падежа употребляются и другія формы рядомъ съ нарѣчіями на -ām. Взаимодѣйствіемъ разнообразныхъ нарѣчій другъ на друга получилось чрезвычайное богатство формъ. Приведемъ здѣсь нѣсколько нарѣчій съ разными окончаніями: *lētēm* (Добленъ), *lēti*, легко; *vēglēm* (Добленъ, BV 4174),

1) Весьма часто встрѣчаются такіе мѣстные падежи мн. ч. какъ нарѣчія въ Дондангенѣ: *arakles* LP VII, 901, назадъ, *visārkārtnēs*, изъ **vis-arkārt-an-eš* (900), аръ (945), на дворѣ; *coureš* (867, 900, 901), сквозь; *klátēs* (901), близъ; *rāreš* (900), черезъ, *pirmateñēs* (901), недавно; *visreš* = *visurās* (944), вездѣ.

vēglām (Венденъ), vēgli, легко, klusám, klusu, klusi, klusus (Кевелнъ), тихо; lénám, léni, léni, lénu BV 3199, lēnus (Ней-Сакенгофъ) (pa)lénis Mag. XVIII, 45, тихо, медленно; tišám, tiši, tišus (Кевелнъ); tēsám, tēšum, tēša, tēši, (pār)tēsu LP I, 140, прямо; blakám, blakum, blakus, blaku, blakis, blakēm, рядомъ; krustám, krustu, krustis, krustēm, krustim, krustim (Кевелнъ), krustēm, krustiski, krust krustinis, krustaniski, krustaniskus, крестообразно (Бененъ, Струтельнъ); škērsám, škērsu, škērsus, škērsis (Ней-Сакенгофъ), škērsēm, škērsim BV 1339, поперегъ; aplinkám, aplinkus, aplinki, aplinkēm Mājas Vēsa Mēnešraksts 96, 502; aplīkām (Тирзенъ), aplīku, aplīčš, aplīčām, aplīkšuš (Голговскъ), обняками; lēkam (-ám? Austr.); lēki, lēku, lēkus (Нидеръ-Бартава); lēkis, lēčis, lēčš DL IV, 48, lēčám, lēčus, lēkšus, lēkšu Austr. XIII, 33, lēkš Austr., въ добавокъ; retam (Капдава), retim (Эдваленъ), reti, retu (Purapuke Jáuna strāva 132), retis, reši, retumis, retumš (BV 4198), retumēm BV 269, в, retumūs, рѣдко; brīžam, brīžēm, brīžim (Зербенъ), brīžis (Нидеръ-Бартава), brīžums (Альтъ-Жварденъ), иногда; sānis, sānč (Альтъ-Пебальгъ, изъ sānis), sānus, sānu (Arskats I, 428, 436), sañi (BV XII, 234), sañēm (Ней-Шваненбургъ, BV XII, 222), ēsāñām (Альтъ-Пебальгъ), sānūs Arsats I, 670, въ сторону; tecinūs tecēt, tečinūs BV 2132, tecinū, tecini, tесеñi BV 3745, tесеñām, (Голговскъ), tесеñēm BV 3745, tесеñēm, tесеñišēm (Ней-Сакенгофъ), vēñūs tесеñūs, tесеnis (Нидеръ-Бартава DL II, 48), tečus BV 2132, tečum, teču BV 11520, рыцею; aulekām (Альтъ-Пебальгъ; ср. BV 1560), aulākām (Зесвергенъ), aulakēm (Тирзенъ), aulakis (Ласенъ), aulekēm (Lautenbach Lūmi 170), aulekus (149) aulekšu, aulekus (BV 1609) aulekšām (Фистеленъ ср. BV 1560), aulekšēm, aulekšūs¹⁾ во всю прыть; rikšu, rikšus, rikšēm, rikšūs, riksnūs

1) Въ томъ же значеніи, какъ aulekšu, aulekšus, aulekšūs, aulekšēin употребляется lēksūs (Берзонъ), lēkšu, lēkšus BV 5261, lēkšēm (Альтъ-Пебальгъ). Для языка болѣе непонятный префиксъ au- (= латинск. au-, слав. у-) измѣнился, благодаря народной этимологій, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ

(Голговскъ), rikšņēm (Тирзень), rikšam (BV 1560) = rikšám, rikšim, rikšis (Ней-Сакенгофъ), рысью; vāciski, vāciskis, vācisku (Mag. XVIII, 45), vāciskus (Сакенгаузенъ), pa vāciskam runāt (Ремтенъ), говорить по нѣмецки.

Большинство только-что приведенныхъ формъ по своему происхожденію довольно ясны. Такія нарѣчія, какъ lidza, т. е. нарѣчія на -а весьма рѣдки. Кромѣ lidza мнѣ извѣстны такого рода нарѣчія еще только: gana, gona¹⁾ (верхне-лат.) = лит. ganà, довольно, vaira, больше, rīgma, до (Ней-Шваненбургъ, Опекалнъ). Что это за формы, нельзя съ увѣренностью опредѣлить. Ср. Mahlow Die langen Vocale 49, Leskien Bildung d. Nom. 214. Что же касается нарѣчій на -i = лит. ai, то не лишено вѣроятности предположеніе Малова и Шмидта, что они имен.-винительные пад. мн. ч. средняго рода. Но ср. и Meillet, Mém. Soc. Lingu. X, 135 слѣд. и А. Погодинъ Русск. Фил. Вѣстникъ XXXV, 140.

Въ Лифляндіи согласныя передъ окончаніемъ -i очень часто являются смягченными: vēīi вм. vēli, поздно (Бушговъ), léīi вм. leni, тихо, stalši вм. stalti, гордо, savāzi, особенно, странно, zemjī, вм. zemī, низко (Ней-Шваненбургъ), zemlī изъ zemjī, zemlōk изъ zemjōk = zemāk, ниже BV 4166, 5180 (ср. sprāuju изъ *sprāju), venāzi вм. vēnādi (Зельзава), tāišīni, прямо (Альтъ-Пебальгъ), balši вм. balti BV 1913, 1, glīši вм. glīti, опрятно

āugš: āugšlėkam = āugšlekām LP IV, 206, V, 364, VI, 264, 996, āugšlēciņn (Наудитенъ). Съ этою группою словъ нельзя, разумѣется, смѣшивать, какъ это дѣлаетъ Ульманъ въ своемъ латышскомъ словарѣ, нарѣчія aulšs, aulšm, aulām = aulām, auliski, — отъ aulis, ср. лит. aulas, голенище, др. прусск. aulis, голень, лат. aule; отсюда aulūt, скоро бѣжать, Apskatš I, 659; ср. лат. aulis, непосѣда.

1) Въ Ней-Шваненбургѣ отличается gona довольно, вдоволь, отъ gon, вѣроятно: šūgad gon būs gudzu gona, въ этомъ году ржи, вѣроятно, будетъ вдоволь. Этохъ поучительный примѣръ показываетъ склонность языка отбрасывать окончаніе въ энклитическомъ употребленіи скорѣе, чѣмъ въ полномъ смыслѣ слова. Ср. лит. предлогъ rīgī, до, съ нарѣчіемъ rīgma, раньше, лат. предлогъ rīgms, до, съ нарѣчіемъ rīgmis, раньше, рѣс изъ rēts, rēds, послѣ, съ rēdis, позже. Ср. Lotavica grammatica.

BV 2132, *bēži* вм. *lēži*, часто и др. См. Kauliņ BV XII, 233, Беценбергеръ (Lett. Dialekt-Stud. 115, 116), объясняетъ это смягченіе вліяніемъ конечнаго -i, указывая на переходъ согласныхъ k, ġ передъ i и e въ č, dž, встрѣчающійся въ нѣкоторыхъ верхне-латышскихъ говорахъ, напр. *kačis* вм. *kakis*, котъ, *džeimis* вм. *ģimis*, лицо. Но это указаніе на совсѣмъ иномое явленіе языка не можетъ устранить противорѣчіе, состоящее между толкованіемъ Беценбергера и звуковыми законами латышскаго языка, такъ какъ *li, ni, di, zi, ti* никогда и нигдѣ въ латышскомъ языкѣ не измѣняются въ *li, ni, ži, ši*. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что приведенныя нарѣчія по своему образованію тождественныя съ нарѣчіями, какъ то: *garši, plaši*, съ которыми, по мнѣнію Беценбергера, они не имѣютъ ничего общаго, т. е. тѣ и другія объясняются переходомъ а- (u-) основъ въ ja- основы. Это подтверждается нарѣчіями *zemji, zemli, skaiški* изъ *skaištji, прекрасно, BV 53, *mikški* (Спрогисъ, Памятники лат. народн. творчества 192, 58), *mikši* изъ *mikstji, мягко (Альтъ-Пебальгъ), *mikškāki* изъ **mikstjāki*¹⁾, мягче, Kauliņ BV 148, *mikškāki* DL I, 54 (Зельбургъ).

Смѣшеніе u- и ja- основъ восходитъ къ весьма древнему

1) Звукосочетаніе *stj* измѣняется въ нѣкоторыхъ говорахъ въ *šč*: *rikšcu, pākšcu* (Планенъ, Швитенъ, ср. Ltd. 801), въ другихъ же въ *šk'*: *rikšk'u, pākšk'u, brūkašk'u*, въ третьихъ въ *š*: *rikšu, pākšu*, въ четвертыхъ въ *šk*: *rikšku, pākšku, brūkašku* (Ней-Шваненбургъ). Формы *rikšku, pākšku, mikškāki* встрѣчаются въ Лифляндіи въ такихъ мѣстностяхъ, въ говорѣ которыхъ послѣ *š* иногда вставляется k, напр. *būškūt* вм. *būšūt*. Kauliņ BV XIV, 143. Поэтому можно заключить, что *rikšku, pākšku, mikški* не произошли непосредственно изъ *rikstju, pākstju, mikstji*, но изъ *rikšu, pākšu, mikši*, вставленіемъ k послѣ *š*.

Мимоходомъ замѣчу, что формы съ *šč* изъ *stj*, противорѣчатъ крайне заманчивому предположенію Лескина (Jndog. Forsch. XIII, 174), что въ звукоподражательныхъ глаголахъ — *šk'u* произошло изъ — *stju* (напр. *plūršk'u* изъ *plūrkstju), и что это звукосочетаніе перенесено изъ настоящаго времени въ неопредѣленное наклоніе: *plūršk'et*. Будъ толкованіе Лескина правильно, то мы встрѣтили бы въ Швитенѣ и Планенѣ **briškčēt, *brakščēt* вмѣсто въ дѣйствительности тамъ существующихъ формъ: *brišk'et, brakšk'et*. Толкованіе Лескина можно было бы спасти лишь предположеніемъ, что формы *brišk'et, brakšk'et* заимствованы планенскимъ и швитенскимъ говорами отъ другихъ говоровъ. Но такое предположеніе весьма невѣроятно.

времени. Ср. Schleicher Lit. Gram. 218, J. Schmidt, Kuhn und Schleich. Beitr. IV, 257. и слѣд., Brückner Archiv f. slav. Phil. III, 253. Когда прилагательныя основы на -и перешли въ латышскомъ языкѣ въ а- основы, то послѣднія подвергались въ нарѣчіяхъ вліянію ja- основъ такъ же, какъ первыя; такимъ образомъ легко объясняются нарѣчія: leīni, skaiški, geši, рѣдко, lēši, дешево и др. Иногда замѣчается различіе по значенію между а (и-) и ja- основами, напр. plats, широкій, plati, широко, plašs, обширный, plaši, обширно, bēzi, густо, lēzi, часто.

Чередованіе а- съ ja- основами въ латышскихъ говорахъ не рѣдкое явленіе: род. rūrvja, вм. rūrva, болото, BV 3827, avūši, avūšēm, источники, Austr. XIII, 652, XVII, 715, líku, lūču RK VII, 1401, líku lūčēm Apskats I, 614, líču lūču Jáunības draugs 1902 г., стр. 280, рядомъ съ обыкновеннымъ líku, lūku, извиисто, aplīcis¹⁾ рядомъ съ aplīku, lēcis рядомъ съ lēkis. Lēčām, aplīčām, можетъ быть, образовались на основаніи творительныхъ пад. lēcis, aplīcis, по ср. pagaidām рядомъ съ pagaižām, временно (Ulm. Wtb.). Такъ же, стало быть, можно объяснить нарѣчіе tečus, бѣгомъ, вм. *tekus, BV 2132. Послѣднюю форму стали въ теченіе времени разсматривать какъ винительный пад. мн. ч., о чемъ будетъ еще позже рѣчь, и такимъ образомъ могъ вмѣсто *tekus появиться соотвѣтствующій пад. отъ ja- основы, подобно какъ рядомъ líku lūku въ нѣкоторыхъ говорахъ возникало líču lūču.

Нарѣчія на -и Зубатый (Jndog. Forsch. III, 120) считаетъ за творительный пад. ед. ч. Но не смотря на это заманчивое объясненіе его, всетаки трудно отдѣлить отглагольныя нарѣчія на -и отъ причастія настоящаго времени на -и. Это причастіе употребляется въ косвенной рѣчи наравнѣ съ причастіемъ на -us: tev téic esu pēci déli BV 4574 (Дурбень), viņš esu sūljēs

1) Мнѣніе Беценбергера (Letl. Dialekt.-Stud 116), что въ lēcis k измѣнилось въ ģ передъ і (-ai) не выдерживаетъ критики, такъ какъ, до урвненія формъ, творительный падежъ отъ lēks могъ имѣть только форму *lēcis, а негода lēcis; ср. plīci вм. plīki, голый, BV 3351, seicim BV 7411,2.

LP VI, 646 (Ней-Ауцъ); méita daudz lēlkungu dēlus esu atraidīsi Mag. XVIII, 16 (Оберъ-Бартава); также въ Нидеръ-Бартавѣ я слышалъ причастіе esu = лит. esa (= esa). См. Bezzenberger, Beiträge z. Gesch. d. lit. Spr. 157, 228; KZ XVII, 392. Хотя мнѣ въ косвенной рѣчи извѣстно только причастіе esu, все-таки едва ли подлежитъ сомнѣнію, что раньше причастіе на -u употреблялось въ косвенной рѣчи и отъ другихъ глаголовъ, такъ какъ оно до настоящаго времени употребляется въ качествѣ опредѣленія: šādu āugu vasariņu BV 343, з, цѣлое лѣто, visu āugu mūžn, весь вѣкъ, āugu dēnu, весь день, āugu nakti, всю ночь, ср. sauru āugūšu nedēlu, всю недѣлю (Kāudziteš Mērnēka laiki 319); gulu sēta, лежачій заборъ (Ltd. 1021), gāju putns, перелетная птица (gāju съ значеніемъ настоящаго времени), maldu uguns, блуждающій огонь, peldu¹⁾ vēsi, купающіеся (гости). Не признавать приведенныя формы gulu, maldu, peldu, gāju за причастія, едва ли возможно. Но если дѣло такъ, то не имѣемъ никакого права тѣже формы въ другой связи съ текстомъ считать за чтонибудь иное: divi stavu, divi gulu, вар.: divi gul, divi stav, двое стоятъ, двое спятъ RK VII, 296, divi brālī stāvu stāv, trešā māsa gulu gul (1025), два брата стоймя стоятъ, а третья сестра лежа лежа; stāvi stāv, stāvus stāv BV 7437; tupu savu mūžu pūdzivū (773), проживаетъ полусидя свой вѣкъ: Turī, turī turēnīt, kas tev tupu turināja BV 2976, сиди, сиди, сидяка; кто тебя заставилъ сидьмя сидѣть; peldu lāidu kumeliņu, я пускалъ коня вплавь.

Замѣчательныя парѣчія на -du встрѣчаются въ Альтъ-Пельбалгѣ и, судя по LP VII, 1184, также и въ Берзонѣ: rāujās rāudu rāudamēs, ņemdu ņemdamēs, работаютъ изъ всѣхъ силъ; skrēdu skrēdamēs, бѣгая во всю мочь, stēigdu stēigdamēs, съ величайшею поспѣшностью, klurdu klurdams, спотыкаясь, падая,

---

1) Эти формы на -u несклоняемыя формы; но нѣкоторыми писателями онѣ иногда склоняются: āugām dēnām Apskats I, 213, 333, gulīs вм. (gulu) strūpīs, въ лежачихъ ульяхъ.

grúzdu grúzdamēs, толкаясь; d въ этихъ формахъ, очевидно, получилось отъ причастія на -dams, -damēs.

Весьма употребительны въ косвенной рѣчи причастіе на -us = лит. -as, но только по отношенію къ ед. ч. муж. рода: lai (tas) vėlus ęt pasaulė Mag. XVIII, 14, но: rasi laime viėnu tur gaidūti (16), ne: gaidus; visi tėti patikūši (16), ne: patikus; но иногда употребляется причастіе на -us и въ прямой рѣчи въ качествѣ сказуемаго: viėns nelėkas dzirdus, онъ не обращаетъ вниманія; pū pūlka gudrėm cėlvėkėm rašūtėš kads labu un derėgu padėmu zinus LP VI, 433, среди многихъ умныхъ людей найдется кто нибудь, могучій дать хорошіи и дѣльный совѣтъ. Сверхъ того причастіе на -us нерѣдко служитъ обстоятельствомъ словомъ по отношенію къ мужескому и женскому родамъ ед. и мн. ч., т. е. въ видѣ омертвѣвшей формы: es gulu gulus, tu tupi tupus (загадка), я лежу лежмя, ты сидишь сидмя; grafs jautėja pusesmejus, графъ спросилъ полуулыбаясь (Kálniuš, Ūžulka na mácitajs 19); Elza gribėja izslėtės stāvus, Эльза хотѣла подняться впрямъ Apskats I, 502; slimnėce runėja paraudus, больная говорила полуплачемъ (Baltijas Vėstnesis); vėrši un gūvis pėldus pėldėja, быки и коровы плавали вплавъ (LP VII, 211). Отдѣлить эту адвербіальную форму отъ причастія на -us мы, на нашъ взглядъ, не имѣемъ никакого основанія. Ср. Zubatý Indog. Forsch. III, 125, 138,2. Что причастіе на -us въ качествѣ обстоятельного слова омертвѣло, нѣтъ ничего удивительнаго; ср. омертвѣшіе причастія tikuši, усердно, умѣло, bėidzam, наконецъ; lec Jāniti, kur lekdam (Пернигелъ, RK XIII, 92); Jamitš jāj vis gād, atjāj Jān vakarė, ribej zēm atjadam, skanej pėš nūlékdam (Аппенъ).

По аналогіи глагольныхъ нарѣчій на -us преобразовывалось 1) много именныхъ нарѣчій: klusus, tišus pratus, vėtus и др., 2) можетъ быть, отглагольныя нарѣчія на -iėu въ -iėus; teciėus изъ teciėu (Ltd. 2701), leciėus изъ leciėu (встрѣчаются и tečiėus, lečiėus Ltd. 975). Ср. Zubatý Indog. Forsch. III, 131 и Mag. XVIII, 20 tū kluci lėdzi vilcins (= лит. velkinas); 3) на-

рѣчія на -šu (= лит. *čia*) въ -šus: *krápšus* изъ *krápšu*, обманомъ, *riksšus* изъ *rikšu*, *stéigšus* изъ *stéigsu*¹⁾, поспѣшно, см. *Zubatý Indog. Forsch.* III, 136.

Эти нарѣчія на -šus, также и на -iūs сильно напоминаютъ винительные падежи отъ *ja*- основъ, и таковыми понимались, вслѣдствіе чего, на основаніи этихъ мнимыхъ винительныхъ, появились другіе падежи: *stéigšus*, *stéigšēm*, второпяхъ; *skrēšus*, *skrēšis*, *skrēšēm*, бѣгомъ; *jášus*, *jašis* верхомъ, *kēršus*, *kēršiš* Austr XVI, 306, схватывая, *lékšus*, *léksēm*, *lékšūs*, *lékšis*, во всю прыть; *tis ar vīnim lékšim kollā izjōja* LP VI, 671, *riksšus*, *riksūs*, *riksis*, *riksēm*, *riksim*, рысью; *zirgam labi rikši*, *labs riksis*. *Dārcis tek tādu síku rīksīti* Apskats I, 695; ср. *Zubatý, Indog. Forsch.* III, 137;—*teciñēm*, *vēñūs teciñūs*, *tecinis*.

К. Мюленбахъ.

---

1) *Lékšus* и *arlikšus* отличаются отъ всѣхъ другихъ формъ, такъ какъ онѣ, по нашему мнѣнію, не отглагольныя нарѣчія, но произведенныя отъ *lēks*, лишній, *arliki*, обиняками. Ср. *Zubatý JF* III, 137.